

ВАСИЛИЙ КАРАСЕВ

КСЕРОКОПИЯ ВСЕЛЕННОЙ

КОСМИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Василий Карасев

**Ксерокопия Вселенной.
Космическое фэнтези**

«Издательские решения»

Карасев В.

Ксерокопия Вселенной. Космическое фэнтези / В. Карасев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853011-1

Все-таки по натуре я не авантюрист. Когда леди Неизвестность, заглянув на чашечку кофе, делает последний глоток, таинственно улыбается и исчезает, с моей души падает огромный камень. Но одновременно я понимаю: так будет не всегда. Когда-то эта смуглая женщина все-таки влюбится в меня и без труда уведет за собой. Явь станет сном, а сон превратится в явь. Линия судьбы неожиданно изменит свой привычный маршрут по ладонке, и вместе с ней изменится весь привычный уклад жизни.

ISBN 978-5-44-853011-1

© Карасев В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Ошибка пьютера	7
Черная дыра	13
Пираты	19
Прошлая жизнь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ксерокопия Вселенной Космическое фэнтези

Василий Карасев

© Василий Карасев, 2017

ISBN 978-5-4485-3011-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Лучше всего меня успокаивает тихий шепот знакомых мест. Все—таки по натуре я никакой не авантюрист. И когда леди Неизвестность, заглянув на чашечку ароматного кофе, делает последний глоток, таинственно улыбается и исчезает за дверью, с моей души падает огромный камень. А маленький пугливый ребенок, до сих пор живущий во мне, искреннее благодарит Звезды:

– Как хорошо, что ничего не случилось!

Но одновременно я понимаю, что так будет не всегда. Когда-то эта смуглая женщина с длинной черной косой все—таки влюбится в меня и без труда уведет за собой. Явь станет сном, а сон превратится в явь. Линия судьбы неожиданно изменит свой привычный маршрут по ладошке, и вместе с ней изменится весь привычный уклад жизни.

Ошибка пьютера

Ненавижу! Просто ненавижу, когда зажигается эта клавиша! И слово «Еггог» тоже ненавижу! И красный цвет, которым она мигает! И само мигание! Как меня достала эта рухлядь – галактический челнок «Симпатяга» ста семидесяти пяти лет от роду. На новую модель не хватило денег, а тратить их жалкие остатки еще и на смену реестрового имени я пожадничал. Да лучше бы псевдопродуктами питался, чем выслушивать теперь ядовитые насмешки диспетчеров!

– «Симпатяга»! Разрешите пригласить вас на погрузку, милый?

Тьфу! И еще раз тьфу! Как только появится лишняя пейка, тут же переименую эту калошу! А вот «Калошей» и назову! Самое подходящее имя для старой посуды с «икрой» внутри. Ах, да. «Икрой» бродяги космоса называют Искусственный Корабельный Разум. Точно в «Калошу»! Пускай позлится!

Впрочем, пейками тут не отделаешься, переименование будет стоить не меньше восьми — девяти тысяч ублей. Чиновникам тоже жить надо. Официально, конечно, это стоит в десять раз меньше, но тогда нужно встать в док на полгода, а то и больше: летать в это время запрещается. Плати за стоянку, за охрану, за жилье и питание.... Полгода без работы для мелкого перевозчика вроде меня – непозволительная роскошь.

– Да заткнись ты! – рявкнул я на мигавшую клавишу и раздраженно стукнул по ней кулаком. Помогло – клавиша заткнулась.

Неполадки начались вчера. В первый раз, когда зажегся красный датчик, я испугался: ошибка траектории полета – серьезная штука в космосе.

– Симпатяга, расчет курса! Срочно!

– Я уже считал, сэр! – недовольно отозвался корабль. Где он подхватил это старинное словечко «сэр»? Приказы капитана, слава звездам, корабли еще не научились игнорировать. И корабельный пьютер, пересчитав весь уже пройденный и еще только намечаемый путь, уверенно подтвердил, что никакой ошибки нет.

– Объясни мне, Старая Железяка, – язвительно спросил я, – почему одни твои приборы противоречат другим?!!

Однако, в ответ не услышал ни звука. Я здорово перепугался, честное слово! Когда замолкает твой корабль, это все – финиш!

– Симпатяга, что с тобой? – мой голос предательски дрогнул.

– Со мной все в порядке, сэр.

– А почему же ты мне не ответил?

– Вы же обращались какой-то старой железяке, сэр! – даже удивление в голосе изобразил, прохвост, – извините, что не понял.

– Так вот, милый Симпатяга, – подчеркнуто доброжелательно заявил я ему, – не будете ли вы столь любезны оторваться от Он—лайн Библиотеки, я ведь знаю – вы там круглыми сутками сидите! Меня ваш бывший хозяин предупреждал...

– Пьяница и неуч, – вставил корабль..

– ...и объяснить мне: почему приборы, за исправность которых отвечаете Вы – и только Вы! – противоречат друг другу, карамба меня поберит!!

– Вы хотите получить полный технический отчет, сэр? – поинтересовался Симпатяга.

– Нет, – застонал я, представив пухлый том полного отчета, полный дурацких терминов, добрая половина которых неизвестна обычному космическому бродяге, – просто по—человечески объясни.

– Сожалею, сэр, но «просто по—человечески» это не объяснимо!

Вот тогда я и стукнул по ненавистой клавише впервые. Но она не успокоилась – за неполные сутки срабатывала семь раз, так и не дав мне нормально выспаться. Еще четыре раза пьютер тщательно – до мили! – проверял расчеты, и каждый раз оказывалось, что никакой «ошибки траектории» нет и в помине.

Можно было, конечно, запросить консультацию в какой-то астровайдерской компании, они бы и удаленное тестирование провели, и при необходимости, новое программное обеспечение установили, но ведь это опять деньги. А их у меня и так осталось кот наплакал. Лучше приберечь на топливо и экстренный вызов спасателей, если что, не дай звезды, случится. Лететь мне осталось не так уж и долго, всего восемь дней. Плюс полдня дозаправка на Бачатке. Это, кстати, когда? Ага, уже послезавтра. Смешная это планета – Бачатка. Крошечная, людей мало, живет лишь тем, что удачно расположена – как раз на пути в Анзас. Вот и залетают сюда корабли на дозаправку. Знаете, чем местные жители развлекаются? Они роют море! Я серьезно говорю: как только у администрации появляются лишние убли, она тут же пускает их на оплату работы землеройной техники. Прямо, идея фикс какая-то! Хотя какую только глупость не сделаешь от безысходности! Бачатка обречена. Новые модели галактических челноков постепенно вытесняют корыта вроде моего и дозаправка им не нужна. Они могут на Анзас и обратно на одном баке слетать. Вот и пришла кому-то идея вырыть искусственное море и устроить на планете курорт. Удаленный курорт для особо богатой публики. Полное уединение, никаких папарацци, минимум аборигенов. Нет, идея сама по себе неплоха. Но вырыть море! Ни фига у них не получится, если хотите знать мое мнение.

Впрочем, и мы тоже обречены. Мы – это космические бродяги, мелкие перевозчики, челноки Космоса. Наше время уходит. Уже сейчас цены Транспортного флота ниже, чем мы можем себе позволить. Еще есть эксклюзив, есть отдельные господа, которые считают, что так надежнее: товар не выгрузят по ошибке на другом конце галактики, есть контрабанда, но... если мы и переживем Бачатку, то ненадолго.

Неожиданно залаяла почтовая собака, сообщая, что пришло сообщение. Впрочем, почему неожиданно? Каждый день в это время анзасский робот—рассыльщик присылал майл о том, что кораблем пройден очередной контрольный пункт. Хорошая система! И сам лишний раз убеждаешься, что летишь по плану, и государственные службы в случае чего знают, откуда начинать поиски. Смешно, но один тип мне недавно рассказывал, что в старину майлы перевозили с собой люди. Чушь какая-то! Зачем кому-то сообщение недельной, а то и месячной давности? Да и как корабли летали, не имея нормальной почтовой связи? А если тебе деньги со счета срочно понадобились? Или спасателей вызвать? Да мало ли что! Это все равно, что заявить: мол, в прошлом люди использовали в качестве машинного топлива что-то вроде бензина. А что? Он же горит? Горит! Тепло выделяет? Выделяет! Почему бы кому-то ни додуматься соорудить на его основе двигатель? Чушь, конечно, но чем байки о людях—почтальонах лучше? Нет, отдайте меня бельтезианцам на растерзание, не могло такого быть!

Я нажал кнопку доставки, и на экране высветилось сообщение робота—рассыльщика:

«Предупреждение! Контрольная точка Q27x в расчетное время космическим торговым челноком „Симпатия“ не пройдена. В случае необходимости сообщите ваши координаты для вызова спасательного катера. Автоматическая система оповещения космических кораблей (АСОКК). Робот №88»

– Что за бред?! – встревожено подумал я, – как это не пройдена? Мы ее два часа как миновали. Неужели техника АСОКК тоже дает сбой? Никогда раньше не слышал!

Что-то здесь было не так. Я торопливо прошел в свою каюту и стал рыться в поисках одной очень полезной вещицы – портативного сканирующего устройства «Звездочет—М». Несколько лет назад я выиграл его на одной полузаброшенной планете в Рукаве Короля Шульца. Не знаю, в честь кого назван этот отдаленный район космоса – сроду там никаких королевств не было – но с планетой мне тогда здорово повезло. Самый крупный заказ в моей

практике, между прочим! Но почти весь пришлось потратить на покупку «Симпатяги», узнаю кто дал кораблю это имя – убью! Сам он почему-то утверждает, что ему это неизвестно.

Наконец, я наткнулся на сканер, достал его из сундука – маленький, но тяжелый, зараза! – и, обливаясь потом, потащил в рубку. Взял карту звездного неба, соответствующую месту, где мы должны быть по заявлению пьютера, запустил сканирование окружающего пространства и с тревогой стал ждать результата. Портативный прибор – это вам не мощный корабельный пьютер! Делает все медленно, да еще и тарахтит, словно старый экскаватор на рытье Бачатского моря. Ждать пришлось почти полчаса. Наконец, сканер громко запыхтел и выплюнул свою версию звездного неба. С данными пьютера она не совпала ни по одному параметру! Мало того, эта версия вообще не была похожа на нормальную карту. Пространство вокруг было словно размазано. Больше всего это напоминало фото, сделанное неумехой—фотографом: и рука в нужный момент дрогнула, и фотографируемый не вовремя решил повернуть голову, а в результате вместо портрета какое-то размытое непонятное пятно.

Пока я возился, сопоставляя варианты карт, выданных пьютером и сканером, Симпатяга сообщил о том, что прямо по курсу обнаружил неопознанный корабль.

– Ну, слава звездам! – обрадовано вздохнул я и с любопытством поинтересовался, – Что за корабль?

Симпатяга не ответил. Неужели опять в онлайн—библиотеке сидит? Ох, уж мне эта библиотека! Последнее увлечение сетевых литераторов – совместное написание исторического романа в режиме реального времени. В коем под псевдонимом «Симп» живейшее участие принимает и мой корабль. Ему, мол, есть о чем рассказать! Нет, вы когда-то слышали о таком? Другие корабли улучшением своих систем занимаются или, на худой конец, в пьютерные игрушки играют, а мой акулой пера заделался! Кстати, кто-то может объяснить, причем тут перо? Не верить же одному пьяному болвану, который втирал мне, что птичьи перья раньше использовались для письма! Интересно, как к ним клавиатуру приделывали?! Причем годилась, по утверждению этого спившегося писаки, не любая птица, а только лишь определенная, которую к тому же еще и ели! Нет, отдайте меня кровожадным пиявкам Хурдистана, не могло такого быть! Клавиатура с птичьими перьями, ха—ха!

– Я вовсе не в библиотеке! – словно подслушав мои мысли, обиженно произнес Симпатяга.

– Я этого и не думал!

– Вы всегда так думаете, сэр! У меня для вас не очень хорошая новость: не могу идентифицировать корабль. Ни в одном из действующих судостроительных реестров он не зарегистрирован.

– Ну, так свяжись с ближайшей планетой и запроси архивы!

– Это вторая не очень хорошая новость: связь несколько минут как полностью пропала! Даже в библиотеку не могу попасть! – с искренним возмущением добавил этот графоман. А что, графоман и есть! Я давно заметил: чем длиннее предложение, тем меньше таланта. Истинный гений способен обойтись двумя словами: подлежащим и сказуемым. К числу таких мастеров Симпатяга явно не относился.

– А не очень плохие новости у тебя есть?! – передразнил я его манеру выражаться.

– Есть, сэр, – согласился Симпатяга, – неопознанный корабль не является военным и тоже пытается с нами связаться. Но декодировать его сообщение не представляется возможным. Какая-то странная система передачи информации.

– Далеко ли до встречи? – поинтересовался я.

– Около двух часов, – тут же ответил корабль, – прикажете приготовиться к возможной стыковке?

– Обязательно! Посмотрим, что это за странная летающая посуда.

Я с тоской взглянул на часы, ожидание – худшая из пыток. И от нечего делать запустил «Звездочет» на сканирование неизвестного корабля. Ни на что не надеясь, конечно. Но эта портативная игрушка выдала мне вполне конкретную справку:

«Сканируемый объект является частным исследовательским кораблем класса «Менделей»

«Менделей», ну надо же! Пожалуй, такая посуда подревнее моей будет!

– Эй ты, Симпатичное Старье, – раздраженно произнес я, – видишь вот это?! Это смогла сделать простенькая машинка, в которой мозгов меньше, чем в самоварной кастрюле на твоей кухне!

Корабль не ответил. Сначала я подумал, что он обиделся, но через пару минут Симпатия удивленно произнес:

– Ваше раздражение, сэр, вполне уместно, но упреки не справедливы. Вы знаете, что это за прибор? Я только что обнаружил, что под стандартным кожухом сканера «Звездочет-М» скрывается устройство с абсолютно неизвестной системой маркировки! Этого прибора не только нет в Реестре, сам принцип его работы мне не понятен!

Ситуация становилась все запутаннее и запутаннее. Неизвестный сектор космического пространства, неопознанный корабль, непонятный прибор, спрятанный от любопытных глаз под стандартным кожухом сканера. Ладно, с одной загадкой скоро будет покончено, до стыковки осталось всего-то минут сорок. Однако, меня не оставляло сомнение, что стыковочные узлы также окажутся не подходящими друг для друга и придется выходить в открытый космос. Так оно в итоге и произошло.

Мало того, пилот корабля – румяный парень с большой странной собакой – уверял меня, что я очутился в Пустынной Галактике! Это просто несусветная глушь на другом конце Вселенной!

О женщинах и Вселенных

Женщинам я любил рассказывать о том, как рождаются звезды. Наверное, мне просто не о чем было больше говорить. Жизнь космического бродяги скучна: большая ее половина проходит внутри корабля. А у звезд своя жизнь. Ежегодно их в любой галактике образуется несколько десятков. Облако-протозвезда сжимается под воздействием гравитации, размеры его уменьшаются, а температура внутри катастрофически растет. До тех пор пока не включатся термоядерные реакции, и протозвезда не превратится в звезду. Счастливы звезды, родившиеся маленькими. А вот толстушкам сильно не повезло: чем больше звезда, тем меньше она живет. Сначала заканчивается водород, и звезда начинает пожирать гелий. Гелий не очень приятная еда. От нее звезды разбухают, начинают светиться красным цветом и превращаются в красные гиганты. А потом заканчивается и гелий. Звезды стремительно худеют и становятся белыми карликами. То есть еще тепленькими, но уже трупами. Несколько миллиардов лет белые карлики остывают и, наконец, превращаются в черных карликов. Правда, некоторые красные гиганты все-таки избегают этой участи, подсаживаясь на нейтрино – какую-то странную гадость, уравнивающую сжатие – и превращаются в нейтронные звезды, этих живых инвалидов. Но самый поганый случай, когда звезда сжимается до бесконечности и, в конце концов, от нее остается только черная дыра. Черные дыры – это звезды—невидимки, вокруг которых замедляется ход времени и искривляется пространство. Если подлететь к ней слишком близко, то тебя затянет, словно в воронку. Ученые говорят, что черные дыры не являются ни небесными телами, ни излучением. Это действительно дыры во времени и пространстве.

Когда я только начинал работать перевозчиком, черные дыры были действительно серьезной проблемой, ибо не существовало приборов, которые могли их засечь. А ведь звезд—при-

зраков во Вселенной миллионы! Потом такие приборы появились, и ими в принудительном порядке был оборудован каждый корабль. Стояло такое устройство и на моем «Симпатяге». За последние полгода оно сработало всего лишь раз, но и это окупало его стоимость.

О черных дырах я вспомнил не просто так. В Пустынной галактике их было пруд пруди. По крайней мере, так утверждал Симпатяга, спешно запросивший с ближайшей космостанции кучу материалов об особенностях местной космической географии. Чем был вызван собой связи, мы так и не поняли. Вернее, не понял я. А в запутанные наукообразные теории, выдвинутые искусственным разумом своего корабля даже вникать не стал.

Исследовательский корабль, встреченный нами, оказался еще более старой калошей, чем мое корыто. К тому же порванной. Какая-то странная сила, не зарегистрированная приборами, с ужасающей легкостью смяла его корму в лепешку вместе с расположенным там двигателем. Пилота корабля, назвавшегося Гатсоном, мы выбрали и сейчас направлялись к ближайшей звезде, чтобы пополнить запасы топлива и определиться, что же делать дальше. Шел уже второй вечер нашего совместного путешествия, мы с Гатсоном сидели на небольшой кухоньке, неторопливо пили ром и разговаривали о жизни. А что такое разговор двух мужчин о жизни? Конечно, это разговор о женщинах!

– Любовь женщины — как ромашка, — заметил я, смакуя очередной глоток, — сегодня любит, завтра нет, послезавтра снова пылает страстью, ну а послепослезавтра лепестки ромашки заканчиваются и она уходит к другому.

– Позвольте, сэр, с вами категорически не согласиться! — неожиданно вмешался Симпатяга. — Судя по изученным мною статистическим материалам о разводах за последние двести пятьдесят лет, в подавляющем большинстве случаев в разрыве отношений виноваты именно мужчины. Они слишком привыкли.

– Слишком что? — не понял Гатсон.

– Привыкли, — объяснил Симпатяга и с гордостью добавил, — это мой личный неологизм! Означает, что мужчины очень быстро привыкают к тому, что их кто-то любит. И перестают подавать топливо в двигатель любви. Говорить комплименты, дарить цветы, ухаживать, наконец. Какая женщина выдержит подобное невнимание?

– А зачем это, интересно, ты изучал статистику разводов? — с недоумением поинтересовался я.

– Но, сэр! Мне же было доверено сочинить эпизод о разводе короля Филиппиуса VI с его восьмой супругой! Не мог же я отнестись к работе халатно!

– Ну—ну, — не удержался я от язвительной реплики, — ты бы так к работе своих приборов относился!

Корабль промолчал. То ли согласился, то ли... Звезды меня, побери! Какая гадость!

– Симпатяга!!! Что это за сопли камчататских плевунов у меня в стакане?!!

– Извините, сэр. Вы были совершенно правы в своих критических замечаниях! Действительно, не всегда могу уследить за приборами! Больше этого не повторится, сэр!

Я разъяренно вскочил со своего места, ища куда бы вылить горькую липкую массу, появившуюся в моем стакане вместо рома, а Гатсон громко расхохотался! Тоже мне шутка, достойная премии на фестивале юмора! Ну, погоди, у меня, Железяка с двумя извилинами! Какая к звездам «Калоша», я тебя в «Камчататскую соплю» переименую!

– Как вы комично выглядите, когда злитесь! — сквозь смех, проговорил Гатсон, — видела бы вас сейчас ваша подруга.

– Какая подруга? — удивился я.

– Ну, та женщина, из каюты напротив моей.

– Какая женщина? — я решительно ничего не понимал, — у меня на корабле нет никаких женщин! И мужчин тоже! Кроме нас, естественно.

Теперь уже стал серьезным и Гатсон.

– Два часа назад, когда я вышел из своей каюты, направляясь сюда, – стал рассказывать он, – из двери напротив выглянула женщина, но увидев меня, тут же скрылась обратно. Я подумал, что это ваша подруга.

– Как она выглядела, звезды меня раздери?!!

– Да не успел я разглядеть, – виновато пожал плечами Гатсон.

– Симпатяга!!! У нас на борту посторонние?!

– Нет, сэр, – уверенно ответил корабль, – кроме вас двоих и собаки никого на нашем корабле нет и не было!

Черная дыра

Космический челнок – посуда небольшая, спрятаться особо негде. Рубка управления над закрытым и даже опечатанным помещением с гамма—квантовым двигателем. Что там внутри знают только на заводе—изготовителе да на заправках, обогащающих двигатель протонами и электронами. Небольшая кухня, спортивный зал с пристроенной к нему сауной, гостиная и два коридора с каютами вокруг грузового трюма. Всего кают десять: капитанская, три одиночных вечно пустующих для дополнительного персонала и шесть двойных для пассажиров. Мы проверили их все, в том числе и ту, из которой по словам моего гостя выглядывала таинственная незнакомка, но никаких следов постороннего присутствия не обнаружили. Внимательно осмотрели трюм – да что там осматривать-то груз меня ждал на Анзасе. Затем снова вернулись в искомую каюту и снова ничего не нашли.

– Все—таки здесь чувствуется какой-то посторонний запах, – заметил Гатсон принюхиваясь, – не чувствуете?

– Нет, – ответил я, старательно пошмыгав носом, – ничего не чувствую. Симпатяга!

– Слушаю вас, сэр.

– Нет ли здесь постороннего запаха?

– Что я вам, собака что ли? – неожиданно обиделся мой корабль.

– Ты, конечно, не собака, – язвительно произнес я, – по крайней мере, по уровню интеллекта наверняка не дотягиваешь! А по уровню обидчивости явно превосходишь. Но у тебя же есть анализаторы, звезды тебя подери!

– Сэр, – голос Симпатяги стал само спокойствие, – анализаторы вы приказали выключить и – цитирую – «позабыть о них, как о самом ненужном хламе, который только придумали эти ученые умники» во время предыдущего полета, когда мы перевозили репчатого опоссума. Вам не понравилось, что они практически не замолкали, предупреждая, что нарушен предельно допустимый для здоровья человека уровень вонючести.

– Не так уж он и пах, этот репчатый опоссум, – смущенно пробормотал я, – и вообще! У тебя, между прочим, почему нигде камеры не работают?! Скажешь, тоже я приказал выключить?

– Совершенно верно, сэр, – нахально подтвердил Симпатяга, – ровно три месяца назад, когда у нас гостила мисс Клементина и вам совершенно безосновательно показалось, что я наблюдаю за...

– Вспомнил я, вспомнил! Немедленно включи и то, и другое, олух!

– Уже выполнено, сэр.

– И что?

– И ничего.

– В каком смысле ничего? – не понял я.

– А в каком вы спрашивали? – невинно поинтересовался корабль.

– Хорошо, – вздохнул я и покосился на Гатсона, с любопытством слушавшего наш диалог, – приношу свои искренние извинения и признаю, что был не прав.

– Извинения приняты, – Симпатяга переключился на нейтральный деловой тон, – я провел сканирование всеми доступными средствами, включая видео, аудио, а также ароматические и тактильные. Могу с полной уверенностью заявить, что на корабле нет посторонних.

– Может, тебе показалось? – с надеждой взглянул я на Гатсона.

– Увы, – развел руками тот, – искренне желал бы этого, но нет.

Я с сомнением посмотрел на нашего гостя. Может он врет? Но зачем? Да я бы и почувствовал ложь. Уж что—что, а понимать, когда человек тебе лжет, в космосе учишься быстро.

Есть такой простенький приемчик: внимательно наблюдай за глазами собеседника. В момент обмана его взгляд обязательно дернется в сторону. Хотя бы на мгновение.

Не знаю, кто сотворил этот мир. Монахи утверждают, что Бог. А я так думаю: делать больше Богу нечего, как именно наш паршивый мир творить. Уфологи считают, что инопланетяне. На своем веку я повидал несколько десятков разумных рас, и ни одна из них не показала мне способной на этот масштабный эксперимент. Ученые говорят, что мир сотворился сам. Почему тогда никто за всю историю человечества не видел, как самосотворяется какой-то другой мир? Но кто бы не создал наш мир, одно он придумал просто здорово: обманщик выдает себя сам!

– Позвольте высказать одно соображение, – вмешался Симпатяга, – я не исключаю, что здесь мог кто-то быть. Но, возможно, он успел спрятаться на корабле нашего гостя? До того, как я перекрыл выход.

Если вам кто-то скажет, что человеческие лица сделаны из кожи – не верьте. Это иллюзия. Матушка Природа делает их либо из камня, либо из пластилина. Каменные – холодны и непроницаемы. Зато пластилиновые переменчивы и текучи. Их можно читать... нет, их можно рассматривать, словно картинки комиксов. Невидимый художник без усталости лепит на них удивление и любопытство, страх и решимость...

Именно решимость неожиданно возникла на пластилиновом лице Гатсона.

– Никуда не уходите! – заявил этот странный молодой человек, будто мы только и собирались, как улизнуть с собственного корабля. – Я сейчас все проверю!

И крадучись, словно карикатурный шпион в пьютер—триллерах, исчез в направлении своего неисправного корыта, которое мы тянули на буксире.

Я заглянул в свой стакан и, не увидев ничего, кроме дна, разочарованно вздохнул и возвратился в рубку. И остановился на пороге, как вкопанный: сканера не было на месте! Его вообще в рубке не было!

– Он же тяжелый, – машинально пробормотал я, – килограмм пятьдесят....

– Это если не включить антиграв, – поправил меня корабль.

– В нем есть антиграв? А почему ты не посоветовал мне им воспользоваться?

– Сэр, вы запретили мне давать вам советы еще весной.

– Когда это? – возмутился я, – вот тут ты врешь, как последний понский клоп!

– Вы запретили давать вам советы, – бесстрастно сообщил Симпатяга, – после того, как я попытался удержать вас от вложения денег в Артузианский монашеский банк. Который между прочим, лопнул через три дня после того, как вы меня не послушались!

– Это была непредвиденная случайность! – огрызнулся я.

Хотя по сути Симпатяга был прав. Глупо я тогда поступил. Ох уж, эти банки! В какой-то исторической пьютер—передаче я слышал, что раньше банки располагались в обычных домах, а не в виртуальности. И в эти дома люди якобы несли свои деньги. Чушь какая-то! Как можно взять в руки деньги? Они же не существуют реально! У них нет ни массы, ни объема, ни цвета, ни запаха. Кстати, это и древние знали. Прямо так и говорили: деньги не пахнут! Нет, разрази меня зеленая молния в горах Абу-Аби, банки-дома и люди с деньгами в руках – бред и еще раз бред! А Симпатяга мог бы и не напоминать мне о том досадном эпизоде. А еще исторические романы пытается писать! Где это видано, чтобы...

– Вы опять ворчите, сэр!

– Я про себя ворчу!

– Нет, вы ворчите про меня. Только молча.

Неожиданно наш содержательный диалог прервал лай почтовой собаки. Оставленная Гатсоном собака со странным именем Шарка удивленно подняла ухо и неуверенно тявкнула в ответ. Я с надеждой бросился к экрану и щелкнул на пиктограмме пришедшего письма. Пиктограмма развернулась в послание, и от нетерпения я стал читать его вслух:

«Заправка картриджей для принтеров и копиров с гарантией. Ремонт оргтехники. Бесплатный срочный выезд. Безналичный расчет без предоплаты. Телефон...»

Дальше шел бессмысленный набор цифр.

Почтовая собака снова залаяла, но и второе сообщение выглядело не менее странно:

«Продаются участки на Ивановском водохранилище. Собственный яхт-клуб. Все коммуникации. Подробности по телефону...» И снова какой-то набор цифр.

– Симпатяга, ты что-то понимаешь?

– Нет, сэр. Очень странные сообщения. Обратный адрес не прослеживается. И у меня еще одна новость.

– Не очень хорошая?

– Боюсь, что так.. Мои приборы предупреждают, что прямо по курсу черная дыра.

– Ну так обогни ее.

– Слушаюсь, сэр... Сэр, я не могу!!

– Как это не можешь? Симпатяга, это шутка?!!

– Никак нет, сэр, – растерянным голосом произнес корабль, – я больше не управляю движением, кто-то его перехватил. Сэр, я не хочу в черную дыру! У меня Филлипиус VI еще не развелся!

Ата

Я подошел к бару и налил себе полный стакан «Баккарди». Если уж впереди меня ждет старушка Смерть, то лучше встретить ее запахом хорошего рома, чем запахом страха. Странная штука жизнь, все—таки. Мы торопимся пролететь по ней на предельной скорости, не оставляя себе времени остановиться и оглядеться вокруг. Увидеть, как кто-то неведомый и свободный рисует по небу причудливые облака. Услышать, как тихо напевает грустную песню прощания опадающий осенний лист. Изумиться, как восхитительны влюбленные глаза женщины. Мы живем, словно нас самих Боги придумали в страшной спешке, и, невольно подражая им, мы все время боимся куда-то опоздать. И резко затормозив перед самым финишем, вдруг осознаем – опоздали. Не успели почувствовать, как свеж и ароматен был ветер Свободы. Не успели сказать «люблю» тем, кто этого заслуживал...

Я сделал небольшой глоток, несколько секунд посмаковал вкус напитка, подошел к одинокому стулу за пультом и тихо позвал:

– Симпатяга!

– Да, сэр.

– Хочу кое—что сказать тебе на прощание, – я сделал еще один глоток и продолжил, – хочу признаться, что нередко был несправедлив к тебе. Характер у меня вспыльчивый, я и сам знаю. Но таков уж есть. Извини меня, если что было не так. Ты – лучший корабль в моей жизни, поверь.

– Спасибо, сэр, – голос Симпатяги был необычайно растроганным и немного грустным, – вы тоже были лучшим капитаном в моей жизни. Пусть и вспыльчивым. Пусть и ворчливым. Но зато неравнодушным! И еще... Хочу у вас тоже попросить прощение.

– За что? – слегка удивился я.

– Я ведь действительно тогда... ну когда вы с мисс Клементиной... действительно подглядывал. Мне стыдно, сэр.

– Да ладно! Я не сержусь. Но мне все—таки любопытно: зачем?

– Вы действительно не сердитесь, сэр? – с некоторой опаской в голосе спросил корабль.

– Сказал же: не сержусь.

– Сэр, дело в том, что мне как раз выпало написать сцену сексуального насилия гвардейцев во время бунта против императрицы Туанше. А такого рода опыта у кораблей...

– Симпатяга! Звезды тебя подери!!! Я что, по—твоему, похож на маньяка, насилующего невинных девушек?!!

– Нет, сэр! – убежденно ответил корабль, – совершенно не похожи! К сожалению... То есть, я хотел сказать к счастью, сэр!

Не зная злиться мне или хохотать, я решительно сменил тему разговора:

– Ты совсем ничем не можешь управлять? Даже кухней? Перекусить что-то захотелось.

– Увы...

А потом мы молчали. Каждый о своем. Минуты таяли, словно снежинки Новогоднего Снегопада на планете Акутия. Заораживающее зрелище! Полуметровые розовые снежинки плавно опускаются на еще зеленые луга и тают, не долетая до земли нескольких метров. Снег на вечнозеленой Акутии идет всего один раз в году – в новогоднюю ночь, и этот феномен до сих пор не разгадан учеными. Давным—давно и мне довелось побывать там. Когда же это было? И сколько было мне? А сейчас... Я невольно взглянул в зеркало, чтобы лишний раз убедиться, как меняет человека Время.

– А ты совсем не изменился, – услышал я мягкий женский голос и резко обернулся к двери. На пороге стояла высокая стройная женщина в сером комбинезоне и внимательно разглядывала меня.

– Нет, постарел, конечно. Первые морщинки появились. Усы сбрил, стрижешься коротко. А так... все тот же.

– Простите, – обрел я голос, – по—моему, мы не знакомы. Как вы сюда попали, аванскую медузу мне за шиворот?!!

– С кем вы разговариваете, сэр? – встревожено спросил Симпатяга, – я никого не вижу! И не слышу!

– И ругаешься ты по—прежнему, – констатировала загадочная незнакомка и, пройдя в помещение, уселась на высокий стул рядом, – слова, конечно, иные, но смысл тот же.

– Почему вас не видит мой корабль? – не обращая внимания на ее странные речи, спросил я.

– Потому что на мне блокиратор, – пояснила женщина и взглядом указала на маленькую серебристую коробочку, висевшую на поясе, – когда-то ты мне его сам подарил. В нашу последнюю встречу. А потом повернулся и ушел навсегда, даже не попрощавшись. Господи, как же я тебя тогда любила! И как ненавидела потом!

– Я вообще этот прибор впервые вижу! Да что там вижу – я даже не подозревал, что подобные штуки вообще существуют!

– Сэр! – продолжал волноваться Симпатяга, – объясните ситуацию на словах. Вам требуется моя помощь?

Женщина чуть коснулась серебристой коробочки и ответила кораблю сама:

– Твоя помощь ему не нужна. Теперь ты меня видишь?

– Теперь да, – подтвердил корабль, – позвольте узнать как вас зовут? Мне дано имя Симпатяга.

– Называй меня Ата.

– Мисс? Миссис?

– Симпатяга, помолчи! – оборвал я их идиотский диалог, – каким образом вам удалось находиться на корабле незамеченной я уже понял. Вопрос о нашем знакомстве, несмотря на ваши уверения, для меня тоже абсолютно ясен. Теперь хотелось бы узнать о цели вашего визита!

– О цели... – вздохнула Ата и откинула со лба непослушный рыжий локон, – это долгий разговор. И я еще не решила: нужен ли? Собственно, у меня не было намерений встречаться с тобой лицом к лицу, но обстоятельства... На соседнем корабле находятся мои преследователи, в их руках наверняка оказался твой приятель и сейчас нас тянет к черной дыре.

– Ваши преследователи самоубийцы? – недоверчиво спросил я. – За какими звездами им в черную дыру?

– Черные дыры проходимы.

– Чушь!

– За этой черной дырой их мир! Если мы попадем туда, то никогда уже не вернемся! Но у нас есть шанс. Мизерный, минимальный, почти несуществующий, но шанс!

– Какой шанс? – в моей груди вспыхнула маленькая искорка надежды.

– Поэтому я и пришла сюда, – грустно улыбнулась Ата, – этот шанс – ты!

О памяти и вкусах

Иногда на улице какого-то очередного портового города, в многоголосой суете которого, словно в огромном котле, перемешаны нищие и богачи, карманники и президенты, солдаты и служители экзотических культов, ко мне подходили люди в странных одеждах сектантов и, заглядывая в глаза, спрашивали:

– Вы верите в Бога?

Верю ли я в Бога? Не знаю. Я привык отвечать, что являюсь агностиком. Это такая удобная отмазка для тех, кто не хочет делать выбор: мол, возможно, Он и есть, но пусть сначала предъявит доказательства. Глупость, конечно, зачем Богу что-то доказывать? Но и назойливое поклонение кажется мне недостойным ни Бога, ни того, кто в него верует. А умильно—неискренние физиономии церковников не вызывают ничего, кроме желания слинять от них куда подальше. Собственно, я бы ответил на вопрос «нет», если бы не одно «но». Для меня единственным, но очень веским доказательством существования Бога, является Любовь. Природе любовь не нужна. Ей достаточно сексуального влечения, возникающего раз в год с целью продолжения рода. С древнейших времен до нас дошла Библия, почитаемая как Божья Книга. Не знаю... Мне лично не верится. Не могу я представить Бога, диктующего на ухо какому-то писарю: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Якова...» Поэтому мне и кажется, что единственно угодной для Него молитвой, является наша любовь.

Странные мысли. Не так уж и часто я задумываюсь о таких сложных философских понятиях. Хотя, что еще делать в этой Черной Дыре? По крайней мере, в одном Ата оказалась права: видимо, эти таинственные космические объекты все—таки проходимы. Наша незваная гостья утверждала, что для этого необходимо два условия: структурно—молекулярная защита – ее обеспечивал загадочный прибор, спрятанный под кожухом «Звездочета» и правильный выбор направления. После того, как мы окажемся за горизонтом черной дыры в ином мире, а это случится примерно через сутки, я должен взять управление на себя и попробовать выйти из—под контроля пиратов. Ах, да! Те парни, по уверению Аты, были самыми настоящими космическими корсарами. Вот тут уж моя вера ей решительно заканчивалась! Мало того, что я не верю ни в каких пиратов, но даже если допустить этот, пахнущий нафталином времен Дикого Космоса, аргумент, то с ними не справился «Симпатьяга»! Так что куда уж мне!

– Все дело в этом защитном приборе, – рассказывала Ата, удобно устроившись в мягком кресле гостиной, – я охотилась за ним, а пираты за мной. В Рукаве Короля Шульца ты опередил меня всего на сутки! Хотя, я, конечно, не знала, что именно ты. А этот идиот—продавец еще и перепутал имя корабля! Полтора года я искала судно под названием «Милашка».

– Вы совершенно правы, мэм! – обиженным голосом вставил Симпатьяга, – абсолютный идиот! Милашка, с которым мы стояли тогда рядом на взлетной площадке, совершенно не похож на меня!

– Лишь потом, заподозрив неладное, я снова вернулась в Рукав Шульца и перепроверила архивные данные. Еще полгода ушло на поиск «Симпатьяги». И я успела в самый последний момент, проникнув сюда за полчаса до отлета на Анзас!

– А пираты? – недоверчиво спросил я, – они-то откуда на корабле Гатсона?

– Просто их корабль оснащен не портативным, а настоящим корабельным блокиратором. Они спокойно летели рядом, а мы и не подозревали об их присутствии. Это кто? – неожиданно спросила Ата, указывая на изображение Клементины, стоявшее рядом с экраном пьютера.

– Подруга, – сдержанно ответил я.

– Раньше у тебя был более изысканный вкус, – ядовито заметила она.

– Ой, только не нужно баек о нашей прежней бурной страсти! Вот с чем—чем, а с памятью у меня полный порядок!

– Позвольте не согласиться, сэр! – опять встрял Симпатияга, – вы никогда не помните, где бросаете свои вещи!

– Тоже мне сравнение! Брошенная рубашка и брошенная женщина.

– Небрежное отношение к окружающему миру – это привычка, которая...

– Замолчи, Железяка! – разозлился я. Тоже мне философ!

– А ты знаешь, – внезапно мягко произнесла Ата, – а теперь я верю, что ты не помнишь...

Раньше сомневалась, а теперь верю. Но почему? Как получилось, что ты меня забыл? И когда? И как ты мог?! – снова не выдержала она. Несколько раз глубоко вздохнула, будто делая странную дыхательную гимнастику, и продолжила:

– Хочешь, я расскажу тебе о прошлом? Может, ты все—таки вспомнишь хоть что-то!

– Ну, расскажи, – мне стало даже любопытно: что она еще выдумает. Да нет, не мог я влюбиться в эту странную женщину! Не в моем вкусе. Абсолютно не в моем!

Пираты

Дым был горячим и влажным. И оттого колечки, выпускаемые невысоким азиатом по кличке Шакал, жили совсем недолго – всего пару метров. Так всегда бывает, когда куришь калабаш с кэвендишем. Вам не знакомы эти названия? Странно! Любой трубочник с удовольствием поведаст вам, что калабаш – это трубка из тыквы, чаша которой имеет вставку из пенки, а мундштук изготовлен из янтаря. Ну а кэвендиш – это табак, подвергнутый обработке ароматическими веществами под давлением, создаваемым при помощи специальных прессов да еще и при высокой температуре. Получается сладкий и мягкий на вкус табак, который обычно добавляют в ароматизированные смеси.

– Что сегодня? Запах протухшей кукумарии? – недовольно поморщилась Рыжая Сара. Она на дух не выносила табачного дыма, даже такого изысканного, как кэвендиш.

– Кофе. Смесь робусты и арабики, – пояснил Шакал. Он сидел в стороне от небольшой компании, четвертый час резавшейся в карты и, прикрыв глаза, наслаждался только что раскуренной трубкой.

– Шел бы ты в каюту, а? – не отставала от него Сара. – По хорошему. Итак голова от этих карт пухнет.

– Ну что ж, – поднимаясь со стула, мирно произнес Шакал, – я не Родриго де Херес, я удалюсь.

Однако глаза его сверкнули недобро. Недолюбливал он эту бабу, ох не долюбивал. Впрочем, как и остальные пираты, игравшие в карты: двухметровый бритый гигант по прозвищу Кривой Хряпа и невысокий худощавый юнец Феня... Разве что Старый Грюндик, длинный тощий старик с короткой козлиной бородкой и в старомодных пластиковых очках, вполне мирно уживался с Рыжей.

– Не кто ты? – переспросила Сара и тут же поняла, что фраза звучит коряво, – кто не ты? Тьфу! Про кого ты там болтал?

Но Шакал проигнорировал ее вопрос и молча покинул помещение. А мог бы, наверное, и рассказать. Родриго де Херес, капитан одного из судов Христофора Колумба, был первым европейцем, рискнувшим сделать пару затяжек индейского «табако». Зря он это сделал. За время обратного путешествия он пристрастился к табаку, а на дворе была средневековая Испания. Дым, струившийся из его рта и носа, так напугал соседей, что инквизиция бросила Хереса за решетку на долгие семь лет.

– Сколько еще нам болтаться в этой черной дыре? – пропищал тонким неприятным голосом Феня, но ему никто не ответил.

А в дверях возник краснощекий полный Капитан, вытирая ярко–желтым платком пот с налысо выбритой головы

– Кэп, ну сколько еще? – снова пискнул Феня.

– Заткнись! – рявкнул на него капитан, – достал уже, помет крокодила! Что там с этой девчонкой? Почему она себе спокойно попивает ром в чужой каюте, а не рассказывает, зачем понадобилась этим крысам из спецслужб?

– Вряд ли она пьет ром....

– Заткнись!

Старый Грюндик нехотя оторвался от карт, поправил дужку очков на переносице и неторопливо ответил:

– Эта лоханка «Симпатыга» оказалась сложнее, чем мы думали. Тащить-то мы ее тащим, а вскрыть не можем! Придется дожидаться...

Пронзительный перезвон почтового ящика, сообщавшего о новом письме, прервал пирата на полуслове.

– Почта? – морщась от неприятного звука, удивленно спросил капитан. – Здесь же черная дыра! Никакой связи нет!

– Да какая там почта! – отмахнулся Грюндик и с досадой бросил карты на стол, – сплошной спам. Эта зараза даже в черные дыры пролазит. Вот не должна, а пролазит, астероид ей в глотку!

– Нет, нет, смотрите! – оживился Феня, уже очутившийся рядом с компом, – письмо от этого... ну который нас нанял... Куратора! Сейчас посмотрю, что там...

– Я тебе посмотрю, придурок! Ну—ка вали от компа!

Капитан подошел к компьютеру, грузно уселся на обиженно скрипнувший стул и внимательно уставился на экран.

– Грюндик! – озадаченно спросил он, – ты что, изображение водилы этого корыта Куратору переслал?

– Ну да... Также, как Куратор сообщения шлет – под видом спама. А че не так? Вы ж сами приказали!

– Угу. Приказал. А теперь эта крыса просто в панике! Требуется, чтобы мы немедленно захватили водилу. Даже бабки наполовину увеличить согласен! Нет, вы вписались, а?! За одного жмурика как за полоперации с перелетом в иную Вселенную! Да кто он такой, этот бродяга?!!

Прошлая жизнь

Я любопытен. Мне ужасно интересен мир, который меня окружает. И совершенно непонятны люди, которым все равно сколько миллионов человек проживает на планете Итай, каким способом хищная птица ондор закапывает свою добычу в землю или кто победил на последних галактических соревнованиях по бросанию иголок в стог стена.

Я воспринимаю жизнь как игру. Игру, в которой постоянно меняются правила, а кто-то и вовсе играет без них. Но сам я не люблю жульничать. Всякое, конечно, бывает, но такие победы не по мне. В них нет кайфа. Вот обыграть соперника по всем правилам да еще и перехитрить – это полный улет! Ведь хитрость и жульничество – разные вещи.

Игра Аты была непонятна, но мне стало любопытно: а что же дальше? Да и поторопился я, пожалуй, с выводами – почему это она не в моем вкусе? Немного сноб, сразу видно. Немного язва, ишь как она о портрете Клеммы. Мыслит прямолинейно, могла бы и раньше догадаться о том, что не тот корабль ищет. Но умна, красива... впрочем, хватит об этом! Клементина все равно лучше! Хотя...

Однажды я перевозил одного психа... то есть прошу прощения, психолога. Жуткий пьяница! И таким даром убеждения обладает! Короче говоря, мы пропьянствовали с ним целую неделю, а потом дня два «Симпатяга» отпаивал нас какими-то горькими отварами. Но суть не в этом. Псих... вспомнил! Его Васей звали!.. рассказал мне о том, что проводил эксперименты, пытаясь раскрыть тайну взаимной симпатии. И эти эксперименты показали, что наша собственная внешность и есть ключ к любви с первого взгляда. Он собрал кучу народу, посадил их перед пьютерами и заставил оценивать портреты по степени симпатичности. Эти бедняги даже не подозревали, что среди изображений есть и их собственные, только обработанные пьютером и измененные на противоположный пол. Выяснилось, что женскую или мужскую версию своего лица никто не узнает, однако именно они оказались для всех наиболее привлекательными. А я подумал: может быть, люди всегда об этом знали? Подсознательно. Недаром ведь говорят, что мы ищем в жизни свою половинку. Правда, находим черт знает что, ответил мне тогда Вася. Но я с ним все—таки не согласен...

А теперь мне на мгновение показалось, что Ата чем-то неуловима похожа на меня.

– Мы – дети чужого мира, – рассказывала она, – того самого, куда хотят вернуть нас пираты. Когда-то давно нам удалось сбежать. Тебе удалось! А меня ты захватил за компанию. Хотя ладно, не буду кривить душой, ты меня спас. Все что я знаю о тебе – с твоих же слов, так что не обессудь. Мир этот практически не исследован, хотя ты рассказывал удивительные вещи. Я и до сих пор в них не верю. Но родился ты на планете Земля. Долгое время мы жили в одном городе, но не были знакомы. Я работала журналистом в газете. Весьма желтая газетенка, нужно прямо сказать.

– А что у вас газеты по цвету различают? – удивился я. – И чем желтая хуже, скажем, зеленой?

– Это просто выражение такое, – улыбнулась Ата. Она так мило улыбается, оказывается!

– То есть на самом деле она не желтая?

– На самом деле это не важно! Желтая, значит, публикует разные слухи и сплетни, частенько выдуманные самими журналистами.

– В этом мире так ценятся фантазии? – заинтересовался Симпатяга. – Умение оценить чужую идею есть признак высокоразвитой цивилизации!

– Да какие там идеи! Какие фантазии! Кто с кем переспал, кто кого кинул – вот и все фантазии!

– Ты на первую тему писала или на вторую? – не удержался я от шпильки.

– Я писала на третью! – отрезала Ата. – О загадочных и необъяснимых явлениях. Переселение душ, концы света...

– Стоп! Подожди! Ничего не понимаю, – прервал я нашу гостью, – в каком смысле концы света? Свет бесконечен!

– Свет – это синоним мира, Вселенной.

– Ваши люди любят читать об окраинах своей Вселенной? – опять вклинился в беседу Симпатяга.

– Звезды мои, – тяжело вздохнула Ата, – как же тяжело с вами! Конец света... то есть мира – это когда случается какая-то катастрофа и мир рушится! Ничего не остается от этого паршивого мира!

– А почему во множественном числе? – не отставал Симпатяга, – это периодическое явление?

– Да нет. Это вообще не явление! Просто люди любят пугаться: фильмы ужасов, криминальная хроника, чуть ли не каждый год – новое предсказание конца света.

– Ты хочешь сказать, что я родился в мире, где люди сидят и смотрят, как кто-то их пугает с экрана пьютера?! – возмутился я, – вообще-то до сих пор я считал себя абсолютно нормальным!

– И зря! И вообще... ты хочешь про свою жизнь слушать или будешь мне мешать своими дурацкими вопросами?!!

«А когда она не улыбается, а злится, то тоже ничего» – неожиданно подумал я, а вслух сказал:

– Я молчу, Ата, молчу! Я просто немой придаток собственных ушей!

– Так вот, я как раз написала очередную статейку про летающие тарелки, – она подозрительно посмотрела на меня, но я лишь пожал плечами: ну, подумаешь, посуда у них летает, обычное дело! – и забежала к знакомому астроному уточнить пару терминов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.